

Начало поражения обновленцев было положено в Москве

КРАХ ПОПЫТКИ УНИЧТОЖИТЬ РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ
ЦЕРКОВЬ В 1920-Е ГОДЫ

В 2022 году в связи со столетием начала кампании по изъятию церковных ценностей «Журнал Московской Патриархии» много писал о тех событиях. В 1922 году в разгар этой кампании возникло движение обновленцев, ставшее одновременно печальной и героической страницей в истории Русской Церкви. Сто лет назад, весной 1923 года, в Москве прошел раскольничий собор, на котором была сделана попытка отменить институт патриаршества и лишить Предстоятеля Русской Церкви патриаршего сана и монашеского достоинства. О причинах возникновения обновленцев, о том, как готовился этот «собор» и как он стал началом краха обновленческого движения, как Патриарх Тихон вместе со своей паствой сумел противостоять разрушительной силе раскола, рассказывает священник Сергей Иванов, кандидат богословия, научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви богословского факультета ПСТГУ.

Донской монастырь, где провел большую часть своего заключения Патриарх Тихон. 1920-е гг. (слева)

— Отец Сергей, что можно сказать сегодня об истоках и причинах возникновения обновленческого раскола 1922 года?

— Вопрос о генезисе обновленческого раскола не так прост, как иногда кажется, и до сих пор является дискуссионным. При этом высказанные историками точки зрения неравноценны по своему обоснованию, то есть охвату и полноте источников, включая рассекреченные в 1990-х годах архивные документы. Строго научный подход предполагает в качестве необходимой предпосылки требуемого ответа прояснение самой природы данного раскола, а также и его наименования в качестве обновленческого. В свете последних исследований можно без колебаний утверждать, что раскол 1922 года был осуществлен большевистской властью и имел совершенно искусственный характер, заданный усилиями секретных комиссий Политбюро Центрального Комитета Рабоче-крестьянской партии (большевиков) (ЦК РКП(б)) и Совнаркома под руководством председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого, а также Госполитуправления Народного комиссариата внутренних дел (ГПУ НКВД). Планы расколоть Русскую Церковь власти вынашивали с 1919 года после неудачных попыток запугать и разрушить ее с помощью неприкрытого террора. Напомню в связи с этим слова Патриарха Тихона из письма находящемуся в Киеве митрополиту Антонию (Храповицкому) в сентябре 1918 года: «Опричники расстреливают нас как куропаток». Наиболее подходящим для надзорных органов критерием разделения

верующих стала беспрекословная лояльность незначительной части духовенства в соблюдении декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 23 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей под лживым лозунгом помощи голодающим Поволжья. То есть с позиции государственных интересов раскол, несомненно, можно считать инструментом НКВД по разрушению Церкви, а с церковной точки зрения охарактеризовать его в качестве «советского» феномена, связанного с вредоносным для христианства типом запредельной лояльности богоборческой власти в атеистическом государстве. И этим можно было бы ограничиться, если бы не программы

Патриарх Тихон среди прихожан во время посещения одной из церквей Ярославля. Фотограф Николай Свищов-Паола. Между 27 сентября и 2 октября 1918 г.

Александр
Введенский

радикальных реформ, предложенные всеми группами раскольников сразу после захвата органов церковного управления.

Программные положения не были написаны по заказу чекистов, хотя образование самих групп являлось важным результатом государственной антирелигиозной работы. Кроме того, приверженность реформам и различия в их составе у обновленческих «партий» учитывались и затем использовались ГПУ для создания раскола в расколе. Подобно большевикам, захватившим власть в стране революционным путем для реализации уставных и программных задач по строительству нового коммунистического общества, церковные «большевики», осуществившие переворот в Высшем Церков-

ном Управлении в мае 1922 года, являлись носителями вполне определенных, почти готовых к реализации представлений об обновлении Церкви. Историкам известны документы о подготовительных встречах будущих лидеров раскола с сотрудниками ГПУ, где в обмен на лояльность государству и согласие выступить против священноначалия им были предложены исключительные условия для реализации своих прогрессивных демократических идей: выпуск журнала (к этому времени все церковные периодические издания были давно запрещены), организация съездов, миссионерские мероприятия, господдержка в защите самостоятельности духовенства от реакционного Синода и т. п.

— *Имелись ли реформаторские настроения непосредственно у вождей раскола в прошлом?*

— В целом на этот вопрос с небольшими уточнениями можно ответить утвердительно. Уже на первой ночной встрече с чекистами в апреле 1922 года возглавить революцию в Церкви согласился известный реформатор заштатный епископ Антонин (Грановский), глава будущего Союза церковного возрождения. Будучи участником религиозно-философских собраний 1901–1903 годов*, он тогда же попал

* Религиозно-философские собрания 1901–1903 гг. — цикл из 22 заседаний представителей русской интеллигенции и православного духовенства. Проходили по инициативе З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и В. В. Розанова. Бесменным председателем был епископ Сергей (Страгородский). Вопросы, обсуждаемые на заседаниях, касались взаимоотношений Русской Православной Церкви и общества: от церковно-государственных отношений до сугубо церковных проблем. Проблема «догматического развития» была воспринята как одна из самых актуальных и стала темой нескольких заседаний. Споры шли не столько о «развитии догматов» (в строгом смысле слова), но о возможности «Нового Откровения» или откровений о путях христианского творчества и культуры. Православная часть собраний отвергла возможность «новых догматов». Живое обсуждение всколыхнуло апологетическую мысль, что нашло отражение в трудах многих русских богословов и религиозных мыслителей XX в. — *Примеч. ред.*

под влияние модных теорий «паралича» Церкви, «догматического развития» и т. п. и в разговорах с единомышленниками высказывал сомнения в историческом бытии Христа. В сане епископа самочинно стал практиковать отступления от принятой богослужбной практики, в результате чего в 1921 году Патриарх Тихон запретил ему введение в нее каких бы то ни было новшеств. Из остальных двух заметных вождей обновленчества 1922 года несомненным реформатором являлся протоиерей Александр Введенский, руководитель другой группы раскольников — Союза общин древлеапостольской Церкви (СОДАЦ). Он был выходцем из основанного в 1917 году петроградского Союза демократического духовенства и мирян, самого политизированного течения в среде обновленческого движения Северной столицы, давшего для раскола целую плеяду идеологов: священников Е. Белкова и А. Боярского, профессора Б. В. Титлинова, обер-прокурора В. Н. Львова и др. Их главным лозунгом в те времена наряду с требованием социалистической республики была «церковная демократизация», причем не только введение выборных начал, но и отделение Церкви от государства, упрощение богослужения, служба на русском языке. Фигуры епископа Антонина и протоиерея Александра Введенского символичны, первый стоит во главе раскола в его начале, второй — еще и в конце. Они не меняют своих убеждений, несмотря на отстранение от руководства и формальный возврат обновленцев к церковным традициям в конце лета 1923 года в соответствии с меняющейся тактикой ГПУ в борьбе с Русской Церковью.

Что касается третьего и весьма энергичного лидера, руководителя группы «Живая Церковь» священника Владимира Красницкого, до Октябрьского переворота он был заметным священнослужителем Петроградской епархии, состоял членом Епархиального миссионерского совета, а также Союза русского народа. Весной 1918 года он являлся членом правления Братства приходских советов города, активно публиковался в епархиальном «Вестнике», критикуя советскую власть. И в том же году в условиях антицерковных репрессий совершил крутой поворот, записавшись в число сочувствующих РКП(б). В следующем году Красницкий пишет

в госорганы записку о религиозной политике, в которой предлагает советской власти непосредственно вмешаться в дела Церкви с целью замены в приходских советах «буржуазных» элементов на «пролетарские». Тогда же он становится инструктором по церковным делам Петроградского исполкома. Можно сказать, что позиция Владимира Красницкого вполне соответствовала идеологии «церковного большевизма», осужденного Поместным Собором 1917–1918 годов. Тем не менее уже в расколе, несмотря на отсутствие собственного реформаторского бэкграунда и сдержанное отношение живоцерковников к лозунгам других групп, Красницкий изо всех сил старался не отставать от них в «обновлении» церковной жизни путем пересмотра догматики, литургики и этики в пользу своеобразно понимаемых интересов белого духовенства, включая упразднение монастырей, разрешение второбрачия священнослужителей, рукоположения в епископский сан женатых пресвитеров, реформы прихода и т. д.

Данная тройка — активное ядро учинившего раскол «прогрессивного» духовенства, и именно указанные деятели назывались в качестве «трех главарей» церковной смуты в послании православных епископов 1923 года к архиереям, клиру и церковному народу об обновленческом расколе. Остальные же управленцы

*Епископ Антонин
(Грановский)*

Владимир Красницкий, Пётр Блинов, епископ Антонин (Грановский) в кулуарах «собора» за беседой

разного ранга либо не играли в нем значительной роли, либо появились в ходе дальнейшего насаждения раскола госорганами в церковной ограде. При этом значительная часть священнослужителей оказалась в стане расколоучителей из-за обмана в вопросе передачи патриарших полномочий в связи с арестом Святейшего Тихона, публичных заявлений о признании обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ) со стороны некоторых авторитетных иерархов и осуществлявшихся в поддержку обновленцев репрессий; позднее многие из них с покаянием вернулись в лоно Русской Церкви.

В освещении вопроса об истоках советского обновленчества уместно будет напомнить оценку Патриарха Тихона в посланиях к российской пастве 1923 года, где оно выводилось из либеральных течений в православном обществе 1905–1907 годов. Не все современные историки согласны с подобным выводом, однако без учета патриаршего взгляда история раскола будет содержать много белых пятен в понимании образа действий его лидеров. При этом надо отдавать себе отчет, что речь идет не об организационной, а об идеологической преемственности обновленцев, которая в свою очередь требует учета двух важнейших факторов. Во-первых, фальшивого по сути реформаторского зуда у отдельных людей, далеких от понимания настоящих церковных забот. Так, считая обновленческое движение в религиозном значении ненастоящим, его основной признак

Святейший Тихон видел в теплохладности, не имеющей в себе ни правды Божией, ни правды человеческой. Свой вывод он обосновал очевидным для всех стремлением религиозных новаторов к личным выгодам, чинам и наградам с вопиющим нарушением церковных правил и насилием над несогласными. Сегодня патриаршую точку зрения можно дополнительно поддержать ссылками на архивные источники, согласно которым главным орудием борьбы обновленцев за власть и влияние в церковном обществе были доносы в ГПУ. Также и достаточно насмешливые народные наименования раскольников в качестве «живцов» и «обновленцев» отражали недоверие верующих евангельскому пафосу новых церковных смутьянов, догадывавшихся, что они вовсе не те, за кого себя выдают.

Во-вторых, под вывеской «обновления» в 1905–1907 годах находились взаимно исключающие течения, и конечно, не все они были идеологическими предшественниками раскольников 1922 года. В обсуждении желательности церковных преобразований в те годы активное участие принимали как либерально настроенные миряне, так и представители духовенства (кружок «32-х» и др.), в том числе по инициативе Святейшего Синода епархиальные архиереи, включая архиепископа Тихона (Беллавина), будущего Патриарха. С учетом этих обстоятельств заслуживает внимания значимый вывод современного исследователя А. Г. Кравецкого о том, что прямым наследником дискуссий о церковной реформе следует считать не маргинальных деятелей 1920-х годов, а Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. В подтверждение данной точки зрения можно указать на патриаршее Обращение к архипастырям и пастырям Российской Церкви от 17 ноября 1921 года, где как раз и говорилось, что организованный Поместным Собором процесс рассмотрения вопросов об исправлениях в богослужении предстоит завершить будущему Собору. Внесоборные, несвоевременные и самочинные реформы в Церкви неоднократно были им отвергаемы. Уже в феврале 1918 года на открытии новых органов ВЦУ святитель Тихон так обозначил основы предстоящей церковной работы: будем строить на твердом

основании, которым для нас является Христос, на основании евангельских, апостольских, соборных и святоотеческих правил, а не на своем измышлении. В упомянутом нами ноябрьском послании 1921 года он призвал духовенство до возобновления соборной деятельности во избежание смущений среди верующих и разделения в Церкви воздержаться от богослужебных нововведений как «нездорового явления нынешнего времени».

Подводя черту сказанному, можно констатировать, что по своей угрожающей активной практике раскольники до своего синодального периода имитации Церкви выглядели «большевиками» и «реформаторами», а по существенному и доминирующему признаку являлись политическими приспособленцами, почему и заслужили нелестные эпитеты в качестве не только «обнагленцев» (архиепископ Трифон (Туркестанов)), но и «церковных отбросов» (Патриарх Тихон).

— *Какова предыстория раскольничьего собора 1923 года, кому и зачем он был нужен?*

— Проведение данного «поместного» лже-собора, проходившего с 29 апреля по 9 мая

1923 года в Храме Христа Спасителя, — беспрецедентное беззаконие в истории обновленческого раскола. Подготовка данного мероприятия связана с интересами его организаторов, участников и кураторов, лежащими в плоскости антирелигиозной государственной политики. С самого начала мысль о соборе была связана с идеей «советской церкви», о которой надзорным органам стало известно уже в 1918 году в процессе контактов с архиереями, имевшими среди духовенства весьма негативную репутацию. Весной 1922 года сотрудники ГПУ имели сведения об оппозиционных Священному Синоду иерархах, которые были склонны воспользоваться арестом его членов для проведения «собора» с целью избрания нового Патриарха и членов управления, более лояльных к советской власти. В марте ГПУ, а за ним Л. Д. Троцкий и Политбюро ЦК РКП(б) признают необходимым арест Синода и Патриарха с целью перевыборов иерархии. В апреле ГПУ разрабатывает инструкцию о проведении встречи с оппозиционным духовенством, в которой сохранение Церкви связывается с «поместным собором» для обновления иерархии, и проводит

Заседание обновленческого «синода». 1926 год. Сидят: Георгий Жук, Георгий Добронравов, Александр Введенский, Вениамин (Муратовский), Серафим (Руженцев), Алексий (Баженов) и «протопресвитер» Павел Красотин

Президиум обновленческого «собора». 1923 г.

такую встречу. В мае появляется оппозиционный журнал «Живая Церковь» с требованием нового Поместного Собора. Тогда же в интервью советским журналистам живоцерковники заявляют о возможности смещения Патриарха с помощью «собора» и сообщают о новшествах, вводимых ими в богослужение вопреки патриаршему запрету от 17 ноября 1921 года. После захвата органов церковного управления в условиях признания заместителем Патриарха митрополитом Агафангелом (Преображенским) их власти незаконной, а также «увольнения» самого митрополита за якобы произведенную им церковную смуту они возлагают надежды только на предстоящий «собор». К их надеждам следует добавить и собственные ожидания Антирелигиозной комиссии (АРК) при ЦК РКП(б) «церковного» осуждения Предстоятеля Русской Церкви в преддверии государственного судебного процесса против него.

— В чем заключались основные постановления «собора» и как отреагировал на них Патриарх Тихон?

— Постановления эти можно условно разделить на три части. Первая касалась советской власти, по адресу которой излилось до неприличия обильное славословие. То есть она признавалась мировым вождем в движении за братство, равенство и мир, а государство — единственным государством, которое

вышло на борьбу со «смертным грехом» капитализма и одно осуществляет идеалы царства Божия на земле. Отсюда следовало, что данная власть не является властью антихристовой и не может считаться гонительницей Церкви. В связи с этим «собор» объявил патриаршее анафематствование советской власти не имеющим никакой силы, а также своим «нравственным авторитетом» осудил как международную, так и отечественную контрреволюцию. Вторая часть постановлений также содержала «контрреволюционную» риторику, обращенную уже конкретно на Русскую Православную Церковь и лично Патриарха Тихона. В ней было, в частности, заявлено, что еще с лета 1917 года церковное руководство встало на контрреволюционную точку зрения, Поместный Собор 1917–1918 годов являлся «контрреволюционным сборищем», восстановление патриаршества — «контрреволюционным актом», а Патриарх Тихон — служителем контрреволюции и знаменем всех врагов советской власти.

Следствием такого рода заявлений стала отмена института патриаршества в пользу соборности и лишение Предстоятеля Русской Церкви патриаршего сана и монашеского достоинства. Третьего мая 54 обновленческих иерарха подписали сей выдающийся по своей низости акт против Патриарха Тихона за то, что он якобы, направляя силу своего авторитета на

ниспровержение нового гражданского строя, подвел под угрозу «самое бытие Церкви».

Третья часть соборных решений затрагивала тему церковного обновления с лукавой попыткой придать ему незначительный, чисто информационный контекст. Дело в том, что ради консолидации соборной позиции по важнейшим для АРК направлениям ГПУ было вынуждено перенести запланированную ранее на «соборе» склоку между раскольниками по вопросам реформы на послесоборный период. Отказываться же от очевидной возможности навредить Церкви с этой стороны тоже не хотелось, почему и предпочли, не допуская соборных дискуссий в этом вопросе, провести через постановления хотя бы часть разрушительных изменений церковного строя под вывеской социальной революции. Представил публике требуемую АРК декорацию «протопресвитер» Владимир Красницкий, заявивший, что принятые «собором» решения будто бы носили не реформаторский, а исключительно революционный (советский) характер живоцерковного толка, и, к сожалению, эта точка зрения получила определенное распространение в современных научных публикациях. Между тем «собор» постановил перейти на Григорианский календарь, закрыть все монастыри, допустить второбрачие священнослужителей и белый епископат, а мощи во избежание фальсификаций отныне предавать земле, оставив на местах только те, которые уже признаны Церковью ранее. Подобная уловка, как считали в АРК, в целом удалась, и успех в деле соборного утверждения глубоко затрагивающих основы Православной Церкви реформ был отмечен в ее декабрьском отчете Пленуму ЦК РКП(б).

Первая реакция Святейшего Тихона на постановления этого псевдоцерковного сборища была озвучена 8 мая 1923 года при его встрече с делегацией соборян в Донском монастыре, куда последняя напросилась для оглашения Патриарху «церковной» кары и требований отдать им первосвятительское облачение. Радостные ожидания невероятного эффекта от вручения Патриарху акта «церковного» осуждения питались их уверенностью в его незамедлительном подчинении соборным решениям. Но вышла осечка. Протест Святейшего Тихона против данного акта и неудача пятикратного требо-

вания снять одежду священника нарушила планы обновленцев и их покровителей из ГПУ, присутствующих на встрече. То обстоятельство, что в зал предстоящего судилища войдет несломленный Предстоятель Русской Церкви в патриаршем куколе, ясно демонстрировало чекистам: во время «более тщательной подготовки» судебного процесса, порученной им на заседании Политбюро, они столкнулись с серьезными проблемами. С ними же столкнулись и раскольники, ведь святой Тихон первоначально один перед делегацией лжесобора, а после выхода из заключения вместе с православными архиереями решительно отверг его компетенции и полномочия.

В своем послании православной пастве от 28 июня 1923 года Патриарх объяснил незаконность и формы, и существа соборного приговора обновленцев. По форме он не мог иметь никакой силы, так как являлся нарушением 74-го Апостольского правила, согласно кото-

Карикатура на «советскую церковь». Журнал «Крокодил». 1923 г.

Газета
«Безбожник». 1923,
№ 18 (слева)

рому обвиняемого епископа следует трижды звать на епископский суд. Патриарх констатировал, что ничего подобного раскольники не предпринимали. По существу же приговор был неправильным, поскольку утверждал о мнимой вине Патриарха в использовании своего авторитета для ниспровержения гражданского строя, а это легко опровергалось его посланием о невмешательстве в политическую борьбу от 8 октября 1919 года, отказе поддержать решения Карловацкого собора о восстановлении династии Романовых и упразднении заграничного ВЦУ. Здесь же святитель подверг критике выбранные на «соборе» органы управления, а также его состав, отметив, что из 60 участвовавших в его заседаниях архиереев он знает лишь 10–15 человек. В отношении женатого епископата и второбрачного духовенства он указал, что данные постановления противоречат решениям Трульского Собора, и у российского Поместного Собора нет никаких прав без согласия с Восточными Патриархами предпринимать такого рода шаги. В других антиобновленческих посланиях этого года Святейший Тихон развенчал лживые трактовки раскольников и советских журналистов в отношении будто бы переданных новому ВЦУ в мае 1922 года управленческих полномочиях, превративших его в «бывшего Патриарха», «отказавшегося от управления» и «ушедшего на покой». Таким образом, актуальными посланиями Патриарха мнимая преемственность безблагодатной лжеиерархии с Православной Церковью была разоблачена, а ее революционные мероприятия и реформы осуждены в свете православных канонов.

— Какова была степень влияния на обновленческий собор со стороны Госполитуправления НКВД?

— Влияние было определяющим, но и учитывающим интересы раскольников в их борьбе с «тихоновцами». В целом так было и раньше. Можно вспомнить несколько известных эпизодов силовой поддержки раскола госорганами. Так, 8 июня в собрании 22 благочинных города Москвы на Троицком подворье при двух воздержавшихся была принята резолюция о признании образованного обновленцами ВЦУ как вызванного «канонической необходимостью». «Необходимость» была настолько же очевид-

ной, как и группа вооруженных людей, разместившихся в канцелярии управления. «Меморандум» от 16 июня 1922 года митрополита Владимирского Сергия (Страгородского), архиепископа Нижегородского Евдокима (Мещерского) и архиепископа Костромского Серафима (Мещерякова) в поддержку раскольников ВЦУ также был подписан не где-нибудь, а в нижегородском отделе ГПУ. В процессе «свержения» митрополита Агафангела в июле 1922 года Красницкому не удалось сразу добиться нужной ему резолюции о признании ВЦУ на епархиальном съезде в Ярославле. Тогда он провел ее на фракционном заседании своей группы «Живая Церковь», а все остальные подписали ее уже в местном ГПУ.

В августе 1922 года при ГПУ в рамках комиссии Троцкого была создана специальная подкомиссия по подготовке данного «собора» во главе с начальником 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучковым. В процессе проведения необходимой предсоборной работы обновленческому ВЦУ были предоставлены финансовые средства, а также предприняты меры по нейтрализации «тихоновских» приходских советов и «автокефалистов» с целью

Патриарх Тихон
в Петрограде.
Слева сщмч.
Философ
Орнатский. 1917 г.
Фото Карла Буллы

Участники так называемого «Второго Всероссийского поместного собора». 1923 г.

обеспечения нужных выборов. То есть деньги и принуждение являлись неотъемлемой частью подготовки этого «собора». Управление им находилось в центре внимания Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) и осуществлялось руками ГПУ, включая определение сроков проведения, формирование вопросов повестки и решения по ним, назначение председателя «собора», утверждение списков органов высшего управления и т. д. Из отчетов Тучкова известно: более половины участников «собора» являлись осведомителями ГПУ, что позволяло управлению повернуть его «в любую сторону». Яркой иллюстрацией влияния на «собор» госорганов является совершённое им осуждение Патриарха Тихона. Оно присутствует в проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б), подготовленном в апреле 1923 года членами АРК, а также в итоговом отчете Тучкова за 1923 год, где соборное решение о «лишении» Святейшего Тихона патриаршего сана было обусловлено «принятыми мерами». По свидетельству участника данного мероприятия епископа Иоасафа (Шишковского), при обсуждении иерархами вопроса о санкциях против Патриарха Тихона Красницкий поставил всех перед выбором: со-

гласие или тюрьма, и они, хотя и были против данной резолюции, не нашли в себе мужества отвергнуть ее.

— Что было сделано верующими во главе с Патриархом Тихоном для поражения обновленчества? Какова была роль народного сопротивления в этой борьбе?

— Согласно докладом АРК при ЦК РКП(б), к концу 1922 года православный епископат был разгромлен, то есть в епархиях почти не осталось прежних правящих архиереев, и даже те иерархи, которые заявили о политической лояльности властям и встали во главе автокефального движения, отправлялись в ссылку. В раскол ушло более 60 епископов старого поставления. Белое духовенство оказалось раздробленным, поскольку, как заметил священник Михаил Польский, обновленчество освобождало от тюрьмы, и не все священнослужители решились оставить свои семьи без пропитания в голодное время, перекладывая бремя решения вопроса на епископат и будущий собор. Одновременно с давлением на духовенство и приходские советы они были выдвинуты в качестве мишени самых беспощадных государственных репрессий. В результате уже весной 1923 года

в Петрограде лишь приходы пяти из 123 храмов продолжали не признавать обновленцев. В Москве собрание благочинных осудило деятельность Святейшего Тихона, а «поместный собор», как казалось, лишил верующих законного возглавления и закрепил антиканонические деяния раскольников.

Несмотря на смутные сведения о новой «церковной власти», ее склоках и беззакониях, Патриарх, находившийся в заключении, ясно осознавал нависшую над Православием угрозу, пребывал в прискорбных чувствах и горячо молился о Русской Церкви. Голос избранника Божия был услышан, и это стало невидимой, но действительной причиной непредусмотренной перемены обстоятельств международного и отчасти внутреннего характера, изменивших позицию Политбюро ЦК РКП(б) в отношении расстрельного приговора для Патриарха. В результате Святейшему Тихону был предложен провокационный компромисс: в обмен на заявление о раскаянии в преступлениях против советской власти, лояльности к ней, а также различные компрометирующие его высказывания ему готовы предоставить свободу и разрешить церковную деятельность. Это было действием Промысла Божия, и он, несмотря на свое отрицательное отношение к условиям компромисса, решился на их неполное выполнение. То есть в требуемых от него покаянных документах Патриарх не стал осуждать поддержавших его в большевистском гонении Архиепископа Кентерберийского Рэндалла Дэвидсона и Патриарха Константинопольского Мелетия (Метаксакиса), равно как и употреблять термин «лояльность» по отношению к богоборческой власти. По словам протопресвитера Василия Виноградова, бывшего в 1923 году председателем Московского епархиального совета, Патриарх не раз объяснял своим соратникам смысл поданного им заявления в Верховный Суд РСФСР от 16 июня 1923 года: в нем было написано, что отныне он не враг советской власти, но не написано, что он ее друг. О патриаршем настрое перед выходом из заключения можно судить по сентябрьскому отчету АРК для Пленума ЦК РКП(б), где были дословно воспроизведены его слова: стоит ему очутиться на свободе, как

от обновленческой организации «останется мокрое место».

Выйдя из заключения, Святейший Тихон встретился со своей родной паствой, ободренной и решительно настроенной. И он немедленно взялся за исполнение двух намеченных им взаимосвязанных задач: укрепить, обеспечив легальное существование, Русскую Церковь в атеистическом государстве и искоренить обновленческий раскол. Патриархом были предприняты неотложные меры для соответствующей советскому законодательству регистрации законных структур церковного управления, прекращения репрессий против духовенства и мирян за «контрреволюционную деятельность». Несмотря на противодействие властей, его продуманные попытки в данном направлении были оправданны. Они не только закладывали общие основы для церковного курса в будущем, но и своевременно направляли народный гнев против обновленцев в русло восстановления канонической церковной жизни в России, невзирая на искусственно поддерживаемую АРК «нелегальность» православного Синода. Укрепление Церкви не могло произойти без восстановления епископата, и здесь Патриарх Тихон действовал в трех направлениях: во-первых, всеми силами старался добиться освобождения пострадавших за веру архиереев из тюрем и ссылок; во-вторых, одобрил тайные хиротонии, совершенные за время

*Александр
Введенский, один
из идеологов
раскола*

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, после интронизации. Фотография 21 ноября 1917 г. (4 декабря по н. ст.)

его заключения, и кратко увеличил количество епископских хиротоний. За 1923–1924 годы не менее 73 православных священнослужителей стали архиереями; в-третьих, призвал пребывающих в расколе архиереев старого поставления вместе с новыми «епископами» очистить себя покаянием и возвратиться в лоно Православной Церкви. По некоторым данным, в 1923–1924 годах в Церковь из раскола вернулось до 18 иерархов, включая двух авторов «Меморандума трех» — митрополита Сергия (Страгородского) и архиепископа Серафима (Мещерякова). В итоге уже в апреле 1924 года «тихоновская» Церковь, по данным Тучкова, насчитывала до 160 архиереев.

Борьба Патриарха с обновленческим расколом носила мужественный и стремительный ха-

рактер. Уже на следующий день после выхода из заключения в послании к российской пастве от 28 июня 1923 года он подверг аргументированной критике все постановления раскольничьего собора (за исключением перехода на новый календарный стиль — условия его компромисса с властью, выполнять которое он в конечном счете после прояснения позиций Восточных Православных Церквей не стал). Затем в послании от 1 июля Святейший Тихон сообщил о возобновлении прерванной арестом и заключением деятельности своего патриаршего служения Русской Церкви и, наконец, в послании от 15 июля, сообщив о самозванстве и неканоничности нового «священноначалия», объявил все таинства, распоряжения и действия обновленческой иерархии безблагодатными. Таким образом, послания Предстоятеля Русской Церкви в дополнение к посланиям митрополитов Агафангела (Преображенского) и Вениамина (Казанского), отвергнувшим притязания раскольников на власть в Церкви в 1922 году, дали недвусмысленную каноническую оценку совершившемуся беззаконию, а также надежные ориентиры для обманутой раскольниками части духовенства и прихожан.

Фактическое устранение обновленцев из захваченных ими ранее храмов совершалось совместными усилиями епископата, приходского духовенства и прихожан. Начало поражения раскольников было положено в Москве, которую, по словам Красницкого, «тихоновщина» охватила уже в первых числах июля. Правой рукой Патриарха по искоренению раскола в столице стал епископ Иларион (Троицкий). Он провел переговоры с сотнями священников и мирян, разработал чин покаяния и выступил с обличением обновленцев на нескольких лекциях и диспутах. По оценкам сотрудников ГПУ, в Москве «тихоновцы» успешно расправились с обновленчеством в октябре 1923 года. В Петрограде к концу 1923 года 83 из 115 обновленческих приходов перешли под управление Патриарха Тихона. Прибывающие на места «тихоновские» архиереи обычно встречали сочувствие народных масс, опирались на оставшихся еще верных священников и, где получалось, пытались договориться с местной властью. Масштабный разгром обновленчества в большинстве губерний Тучков связывал главным об-

разом с давлением на раскольничьи причты со стороны мирян. И это верно. Народный способ борьбы с раскольниками был результатом умелого использования особенностей советского законодательства, несмотря на то что оно было заточено на предполагаемое дробление Русской Церкви. Согласно инструкции Наркомата юстиции для губисполкомов от 1 июня 1923 года, ни одна религиозная организация, каковой мог считаться каждый преобразованный в религиозное общество приход, не имела права вмешиваться в деятельность какой-либо другой организации против ее воли. Государственная политика предоставления независимости приходским общинам в надежде, что это ослабит и разорвет их связь не только между собой, но и с иерархией, неожиданно для большевиков стала законным основанием для отхода от раскольнического Высшего Церковного Совета и переподчинения вышедшему из тюрьмы Патриарху.

Но и до этой инструкции миряне смогли применить в нужном русле предоставленное им Положением о религиозных объединениях право приглашать и увольнять священнослужителей. Уже летом 1922 года, после того как послание митрополита Агафангела (Преображенского) от 18 июня с указанием неканоничности нового ВЦУ появилось в Саратове, церковные советы лишили не порвавшее с ним духовенство материального содержания и изгнали из храмов. Тогда же делегация саратовских мирян получила одобрение своих действий у епископа Феодора (Поздеевского) в Москве. Однако до освобождения святителя Тихона такая практика обеспечивала лишь временный перевес, и появление на местах обновленческих иерархов, опиравшихся на содействие губернских властей, вновь вносило разделение в среду приходского духовенства. Когда же за дело взялись «тихоновские» епископы, ранее зарекомендовавшая себя тактика борьбы проявилась во всем блеске общецерковного единства, и именно ее, по сведениям ГПУ, советовал в июле 1923 года святитель Иларион (Троицкий) представителям одного из московских приходов. Пятнадцатого апреля 1924 года Патриарх Тихон наконец запретил в священнослужении и объявил находящимися вне общения с Русской Церковью нового главу

раскола архиепископа Нижегородского Евдокима (Мещерского), епископа Антонина (Грановского) и других вождей обновленчества, предав их суду православного Собора. К этому времени, по данным чекистов, 50 % приходов в стране считались «тихоновскими», 35 % — обновленческими и 15 % — колеблющимися. Как показало будущее, созданная заботами Политбюро ЦК РКП(б) и ГПУ НКВД обновленческая лжецерковь так и не смогла оправиться после неожиданного краха 1923 года.

— Какие уроки может извлечь Церковь сегодня из истории противостояния расколу и обновленчеству?

— История этого противостояния открывает нам не только глубину падения и немощь человеческую колеблющихся в вере, но и Промысл Божий о спасении русского народа. Православные иерархи и их паства не могли предвидеть столь изощренного нападения богоборческого государства на Церковь, такого масштаба репрессий, лжи, предательства и измены со всех сторон. Верным приходилось каждый день укрепляться в надежде на Христа, не зная, какое испытание будет завтра. На их глазах самые, казалось бы, опытные пастыри десятками уходили в раскол, а его лжеиерархия получала все — легальный статус, свободу от тюрьмы, поддержку государственной власти, «синод», «поместные соборы», авторитетных архиереев законного поставления, собственную периодическую печать и, наконец, признание Константинопольского Патриарха. Но ей все же не удалось столкнуть наш народ в бездну, раскольники так и остались «генералами без армии». В условиях организованной большевиками церковной смуты стал видимым исповеднический подвиг Патриарха, духовенства и всего народа, стала видимой сила нашего единства во Христе. Будем помнить, что в водовороте революции погибла царская семья, армия империи, государственные институты, целые сословия. Церковь погубить не удалось. Поэтому прежде всего — эту историю надо знать не понаслышке. Иначе опыт того, как уцелела Русская Православная Церковь в предельно угрожающих ее бытию условиях, может так и остаться неусвоенным.

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА